
Научная статья
УДК 398.2
DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-97-105

ПРОБЛЕМЫ АТТРИБУЦИИ ЖАНРОВЫХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ АДЫГСКОГО (ЧЕРКЕССКОГО) ЭПОСА

Адам Мухамедович Гутов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, adam.gut@ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

© А.М. Гутов, 2022

Аннотация. В статье рассматриваются основные принципы, на которых строятся принципы жанровой идентификации и этноязыковой атрибуции народного эпоса в фольклоре адыгов (черкесов). Особо обращается внимание на характер художественного отражения действительности в песнях и сказаниях адыгского (черкесского) историко-героического эпоса. При разработке методологических принципов идентификации учитываются такие факторы как преемственная связь с традиционными особенностями типологически старшего вида, т.е. архаических сказаний о фантастических богатырях-нартах, причем указываются принципиальные отличия в характере создания образов в песнях и сказаниях младшего эпоса. Обосновывается важность учета особенностей эволюции жанра (вернее – жанровой разновидности) историко-героического плана. Она прослеживается фактически от стадии его формирования до полного завершения его продуктивного периода в контексте современной культуры. Также отмечается важная роль практической и эстетической функций песен и преданий, что позволяет проследить эволюцию жанра в контексте всей духовной этнической культуры. В связи с этим вопрос об окончательном разрешении всех вопросов, связанных с данной проблемой, не актуализируется в связи с тем, что всякие значимые изменения в общественной жизни способны открывать новые грани, связанные с взаимоотношениями между действительностью и ее отражением в словесном искусстве, в данном случае – в жанре народного эпоса.

Ключевые слова: Народный эпос, эпические жанры, нарратив, художественное отражение действительности, преемственность, функции эпических сказаний, жанровая специфика, идентичность

Для цитирования: Гутов А.М. Проблемы атрибуции жанровых разновидностей адыгского (черкесского) эпоса // Вестник КБИГИ. 2023. № 2 (57). С. 97–105. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-97-105

Original article

PROBLEMS OF ATTRIBUTION OF GENRE VARIETIES OF THE ADYGH (CIRCASSIAN) EPIC

Adam M. Gutov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

© А.М. Gutov, 2022

Annotation. The article manifests and discusses the basic principles on which the principles of genre identification and ethno-linguistic attribution of the folk epic in the folklore of the Adyghes (Circassians) are built. Particular attention is drawn to the nature of the artistic reflection of reality in the songs and legends of the Adyghes (Circassian) historical and heroic epic. When developing methodological principles for identification, factors such as successive connection with the traditional features of a typologically older species are taken into account, i.e. archaic tales about fantastic heroes-narts, and the fundamental differences in the nature of the creation of images in the songs and tales of the younger epic are indicated. The importance of taking into account the peculiarities of the evolution of the genre (or rather, the genre variety) of the historical-heroic plan is substantiated. It can be traced in fact from the stage of its formation to the complete completion of its productive period in the context of modern culture. The important role of the practical and aesthetic functions of songs and legends is also noted, which makes it possible to trace the evolution of the genre in the context of the entire spiritual ethnic culture. In this regard, the question of the final resolution of all issues related to this problem is not updated due to the fact that any significant changes in public life can open up new facets related to the relationship between reality and its reflection in verbal art, in this case – in the genre of folk epic.

Keywords: Folk epic, epic genres, narrative, artistic reflection of reality, continuity, functions of epic tales, genre specificity, identity

For citation: Gutov A.M. Problems of attribution of genre varieties of the Adyghes (Circassian) epic. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 2 (57): 97–105. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-2-57-97-105

Проблема жанровой идентификации разновидностей эпоса имеет свои особенности в фольклоре каждого народа. В одном случае в традиционной этнической культуре могла сложиться поэтическая система, которая способна аккумулятировать произведения, в которых сюжет, тема и основные сюжетобразующие мотивы имеют типологически разные истоки – от мифологии до реальной действительности. Один из красноречивых примеров – эпос южных славян, где то и другое объединяются фактически однородным поэтическим стилем и характером исполнения. При жанровой идентификации вопрос об отношении к действительности может оказаться здесь не самым определяющим: в одном произведении мы имеем художественную интерпретацию мифологических представлений, в другом – того же жанра отражение реальных событий путем их поэтического осмысления [Смирнов Ю.И. 1976: 9–10]. Еще в 1933 г., давая свое толкование эпосу и предлагая классификацию южнославянских эпических песен, Н.И. Кравцов выделил песни *исторические*, т. е. своим происхождением связанные с реальными историческими событиями, и *неисторические*, в числе которых он видит и песни на мифологические сюжеты [Кравцов 1933: 30–31 и далее]. Б.Н. Путилов, рассматривавший эпос славянских народов как единое жанровое образование и находивший веские основания для своей концепции, все же выделял три разновидности эпоса: *фантастико-исторический*, *героико-исторический* и *реально-исторический* [Путилов 1971]. Примечательно, что наряду с употреблением термина «героический эпос», которым охватывается весь материал, он не только выделяет жанровые разновидности, а употребляет понятие «эпос» для обозначения каждой из этих разновидностей.

В фольклоре адыгов картина несколько иная, и по данной причине оказывается уместным употребление терминов *архаический эпос* (как рабочий вариант – *старший эпос*) и *историко-героический* (или *младший*) *эпос*. Давно замечено, что такой принцип разделения обусловлен различиями как в характере отражения действительности, так и в поэтике.

Можно считать, что тема отношения различных жанров фольклора к действительности появилась как проблема не иначе, как одновременно с возникновением самого устного словесного искусства. Ею специально или же в комплексе с другими эстетическими и познавательными проблемами занимались

многие исследователи, а наряду с ними она привлекала внимание поэтов, писателей, философов. Она остается актуальной до настоящего времени и данной теме уделяли внимание многие мыслители и художники как в научных исследованиях, так и в литературных произведениях еще с самых первых этапов зарождения фольклористики как области знаний. В мировой и отечественной литературе и науке отметились своим отношением к данной проблеме многие выдающиеся личности [Жоккьяра 1960; Азадовский 2014].

Методологические принципы исследований получили значительное развитие и обрели разнообразие в XX в. Исследователи, исповедующие марксизм и наиболее последовательные в вопросах отношения искусства к действительности, призывали к изучению фольклора непременно «под социально-политическим углом зрения». В этом плане некоторые из них, нередко впадая в крайность, доводили практику и теорию до вульгаризации, что могло даже дискредитировать те перспективные направления, которые открывал марксистский метод. Все же проблема отношения к действительности всегда оставалась актуальной. Неслучайно даже последовательные приверженцы структурализма и компаративизма, которых нередко в отечественной гуманитаристике упрекают за увлечение формальным анализом, в своих программных выступлениях призывали к изучению предмета с учетом контекста бытования, «в структуре» и взаимосвязях, что непременно предполагает учет корреляции явления с действительностью. В свете сказанного представляются логически мотивированными такие поступки, когда сам В.Я. Пропп публикует вслед за знаковым «формалистическим» исследованием «Морфология волшебной сказки» новый труд под знаковым названием «Исторические корни волшебной сказки» (курсив наш – А.Г.) [Пропп 1936 и 1986]. Уместно в связи с этим упомянуть, что составитель посмертно изданного сборника трудов этого выдающегося ученого посчитал должным дать книге название «Фольклор и действительность» [Пропп 1976]. Зарубежные специалисты также не оставили данную проблему без внимания: резонно было в свое время включение большого раздела под заглавием «Фольклор и его функции в современном обществе» в сборник избранных сочинений крупнейшего американского фольклориста, профессора Алана Дандеса [Дандес 2003: 119–250]. Сам корифей структурализма, Клод Леви-Стросс ратовал за изучение любых антропологических явлений (в том числе мифологии и фольклора) в контексте их функционирования и с учетом эволюции общества [Леви-Стросс 2011].

Названная тема остается актуальной и в XXI столетии, и это отнюдь не по причине недостаточного внимания к ней или из-за отсутствия у исследователей воли для ее окончательного решения. В данном случае следует учитывать редкостную многогранность проблемы, обусловленную функционированием самого явления по принципу живого организма. Важно, что по мере эволюции самого общества и наряду с происходящими в нем стадийными изменениями она имеет свойство адаптироваться и обнаруживать свои новые грани, требующие рассмотрения. Это делает вопрос практически неисчерпаемым, и силовое поле эпоса никогда не выпускает из сферы своего действия ни живых носителей традиции в лице сказителей, ни энтузиастов-собирателей, ни академических ученых.

Уместно будет вспомнить, что с опорой на древнейшие архетипы создавались многие шедевры мировой литературы, возникали теории и концепции, привлекавшие внимание всего культурного сообщества актуальностью содержания и новизной методологических принципов. Надо признать справедливым замечание В.Я. Проппа о том, что «...в фольклоре с появлением нового старое не умирает» [Пропп 1986: 288]. Более того, считаем уместным дать ему расширительное толкование: *в традиционной культуре отмирание старого при появлении чего-либо нового нельзя считать закономерностью*. Совсем необязательно, чтобы старое исчезало с появлением нового, порою оно становится связующим звеном

между прошлым, настоящим и будущим. С каждым этапом эволюции общества она вновь и вновь требует к себе внимания.

Проблеме эпоса народов Кавказа и его отношения к действительности был посвящен целый ряд научных форумов, в том числе и в недавнем прошлом [Эпос единения... 2012; Нартоведение: проблемы... 2016; Нартоведение: историография... 2022]. Скромную лепту на конкретном адыгском материале внес и автор настоящей статьи [Гутов 2018].

Нет надобности доказывать, что изложенное суждение о взаимосвязях фольклора и действительности имеет прямое отношение к закономерностям истории словесного искусства в целом. Из этого логично признать проблему взаимоотношений с действительностью более актуальной в случаях, когда вопрос ставится не о фольклоре в целом, во всем его жанровом многообразии, а о таком жанре как героический эпос, с его ключевой установкой на достоверность повествования. Это независимо от того, что источником мотивов и сюжетов может служить и миф, фабула которого воспринимается амбивалентно с реальностью, и конкретное событие с его непосредственными участниками.

На первый взгляд может представиться очевидным, что поскольку основной опорной базой мотивов и сюжетов архаической разновидности эпоса является система коллективных мифо-фантастических представлений, здесь правомерно ожидать простора для воображения при опосредованном отношении к реальности. В то же время историко-героические циклы возникали в своем большинстве как эмоционально-оценочная *художественно мотивированная реакция* на реальные события с участием реальных лиц, ставших прототипами эпических персонажей. По данной причине песня младшего эпоса бывает порою гораздо более насыщенной поэтическими атрибутами. Объяснить такое явление возможно лишь исходя из учета природы архаического эпоса. Так, надо иметь в виду, что родовой чертой древнейших сказаний является их прочная связь с этнической ментальностью и тем общим генетическим кодом этноса, который заложен в мифоэпических нарративах, и это обстоятельство ставит эпическое повествование на одну доску с правдой фактической, хотя для современного исследователя очевидно, что он не всегда имеет дело с правдой фактической, а с некоей квази-правдой. Генетический код социума формировался в лоне коллективного сознания, он представляет собой производное от верований и основанных на них нарративов изначально сакрального содержания, изложение которого связано с практической целесообразностью. Впоследствии в результате секуляризации в них возобладали эстетические, а также некоторые актуальные практические тенденции. Таковы, например, сохранение квазиисторической памяти, воспитание новых поколений в духе героико-эпических идеалов на примере деяний славных предков, поддержание высокого боевого духа воинов перед сражением и пр. При этом они не утратили генетической связи с исходной системой мифологических верований и сохранили отголоски сакральных атрибутов, входящих в самое ядро повествования. По данной причине для старшего типа эпоса особенно характерны относительная замкнутость, консервативность, своего рода «нулевая валентность». Эпические нарративы, секуляризованные по своей сути, возникают не на основе вольной фантазии, а на базе мифологических представлений как субститутов правды. По своей природе они маркированы данной средой, поэтому практически не способны переходить с легкостью на чужую иноэтническую почву и адаптироваться в ней без радикальных изменений. Следовательно, они, в отличие от некоторых других жанров, не в состоянии стать полноправным духовным достоянием инородной среды. Правда, в редких случаях они трансформируются настолько, что утрачивают родовые признаки, но это непременно отражается на системе мировоззрения, на идейно-тематическом содержании, а с ним на жанровой специфике в целом.

Однако остается не до конца ясным важный, ключевой вопрос. Если в основе народного эпоса предполагаются не явления реальной действительности, а фантастические нарративы, почему эпические памятники, созданные в одной этнокультурной среде, не могут мигрировать в сферу функционирования иной традиции, как это происходит с легкостью с некоторыми другими жанрами, например, со сказкой, пословицами, народной новеллой? Что могло воспрепятствовать эпосу о Гильгамеше, «Махабхарате» и «Рамаяне» или, гомеровской «Илиаде» распространиться по соседним этническим сообществам, в которых устно-поэтическая, а порою и письменная традиция была достаточно развита? Даже римляне, заимствуя целые пласты древнегреческой культуры, не стали прямо заимствовать мифологию и героические сказания эллинов, несмотря на ее притягательную величественность, выразительность, красоту, даже «нормальность», по определению К. Маркса. «Одиссею» Гомера, произведение в значительной степени авантюрного характера, латиняне попросту перевели на свой язык, как литературное произведение, чем обозначили ее чужеродную природу. Когда же дело коснулось отношения к элементам мифологии и основанным на ней повествованиям о героях, они не перевели таким же образом нарративы и не заимствовали в буквальном смысле, а творчески приспособили всё к собственной исконной системе представлений. Хорошо известно, что римляне могли с легкостью аккумулировать языческий пантеон врагов и со всей чистосердечностью молиться их божествам, стремясь тем самым привлечь на свою сторону сакральных покровителей противника. Но Зевс не просто превратился в Юпитера, Гера в Юнону, Арес в Марса, а Геракл в Геркулеса и пр. За различием имен, за их варьированием стоит выраженная тенденция к творческой ассимиляции чужеродного материала. В области искусства мифо-фольклорная система римлян эпохи эллинизации умело адаптировала и типы героев древнегреческих повествований, и их функции, и сюжетику, и связанную с этим поэтику, часто доводя фактически акты трансплантации до уровня типологических схождений [Тронский 1951: 285–297; Мифы народов... 1982: 384]. Объяснение этому мы считаем нужным искать в том, что эпос сохраняет этногенетический код, то есть квазиисторию этноса, но со всей «маркированной» культурной атрибутикой. Она же у каждого должна быть своей, если между этносами нет генетического родства.

Когда дело касается таких жанров как сказка, негласно понимается, что все рассказываемое не аналог повествования о реальных событиях, и данное обстоятельство предоставляет достаточную свободу фантазии (принцип: «сказка – ложь...») в то время, как мифо-эпическое сказание занимает нишу фактической правды). Что же касается героического эпоса, то при всех очевидных признаках мощного влияния греческого искусства, римское общество вместо аккумуляции поэм Гомера создало собственные эпические произведения, функционально аналогичные греческим, однако основанные на собственном фольклорно-мифологическом, образном и языкотворческом материале. При всей интенсивности диффузии древнегреческих и римских этнокультурных традиций, которые воспринимаются нами как феномен *единой античной цивилизации*, в области эпоса налицо тенденция акцентировать внимание на особенностях, а не на сходствах.

Эпос оказывается своего рода этногенетическим кодом, обозначающим демаркационную линию между чужим и своим, в известной степени обособляющим родоплеменное сообщество и консолидирующим его представлениями об истории этноса наряду с такими факторами, как кровное родство, общий тотем, единый язык. Это вызвано специфическими особенностями жанра. Атрибутивные признаки эпоса – конкретные идейно-эстетические основы циклов, система мифо-эпических представлений, ключевые образы, стиль, поэтика – образуют в совокупности систему, которая относительно замкнута перед всякого рода инфильтрациями извне в среду, признаваемую сакральной. По той же причине она также и сама не предрасположена к миграции в пространство чужой культуры.

Неслучайно, что на Кавказе, где архаические сказания о богатырях-нартах бытуют у целого ряда коренных народов, они не отмечены у их исторических соседей, которые появились в данном ареале в более поздние времена, когда *продуктивный этап эпосотворчества на основе мифологии* был уже пройден. К тому времени формирование ядра героического эпоса близилось к завершению, а встретившиеся друг с другом этнические массивы были кодифицированы ранее сложившимися этнокультурными традициями. Так, несмотря на тот факт, что край расположен на путях миграции разных народов, что призвано благоприятствовать диффузии культур, сказания о нартах не зафиксированы, например, в фольклоре ни одного генетически некавказского народа. В их числе – у тюркоязычных ногайцев или крымских татар, у ираноязычных татов, у русскоязычных казаков. Это – несмотря на то, что они столетиями жили и ныне живут в близком соседстве с коренными кавказцами и вступают с ними в разного рода культурные контакты. За продолжительный период истории народы не только воевали друг с другом, но также связывались хозяйственными, экономическими, политическими, родственными отношениями. Это нашло свое ожидаемое отражение во многих областях материальной и духовной культуры и быта, в том числе и в фольклоре, в таких его жанрах как волшебная сказка, предания, народная афористика, а также музыкальное вокальное, инструментальное и хореографическое искусство, а если взять шире, то народные промыслы, костюм и его аксессуары (неслучайно в русских былинах фигурирует *седельшко черкасское*, в калмыцком фольклоре – *черкесский пояс*, в арсенале приемов дагестанских златокузнецов *черкесский стиль*). Издревле для народов-соседей характерны хозяйственные связи, межэтнические браки, включая и династические. Представители той или иной этнической среды поддерживали дружеские отношения с людьми из другого этноса, некоторые владели языком соседей, порою по воле обстоятельств даже поселялись в иноязычной среде или же принимали у себя инородных поселенцев. Но эпические сказания о нартах как жанр поэзии не проникли в фольклорный обиход за пределами своего традиционного этнокультурного ареала или, если посмотреть с другой стороны, не были восприняты окружением, оказавшимся для него чужеродным по мифо-эпическим характеристикам. В свою очередь, также на кавказской почве не прижился, например, эпос об Эдиге / Едигее, популярный у степных тюркских народов. Очевидно, что ко времени возникновения данного эпического цикла у каждой из сторон уже прочно сложилась собственная мировоззренческая система и основанная на ней самодостаточная эпическая эстетика, что характерно для феодальной стадии эволюции.

Однако, если у народного эпоса чуть ли не полностью отсутствует способность к миграции в чужеродную среду, то логично задаться вопросом: как же оказалось, что ареал традиционного бытования героических сказаний о нартах объединяет представителей индо-иранской (осетины), тюркской (карачаево-балкарцы), иберо-кавказской (абхазо-адыги, вайнахи) языковых семей? Этот вопрос давно не дает покоя как некоторым ученым, так и публицистам. Прежде чем приступить к поискам ответа на этот вопрос, надлежит учесть, что, как давно замечено, роль беспристрастного транслейтера или пассивного реципиента принципиально не свойственна природе носителей архаического героико-эпического сознания. В нашем конкретном случае она не подходит ни одной из названных этноязыковых семей и групп, на что ранее обращалось внимание [Крупнов 1969: 19; Кумаховы 1985: 81–101].

В данном случае суть проблемы заключается не в том, что теория привнесенного характера эпоса будто бы возносит один народ на высоту некоего «культурного донора» и чем-то задевает самолюбие представителей соседних. Попытка объяснения данного явления банальным заимствованием имен и сюжетов, на чем базируются позиции, казалось бы, некоторых весьма солидных авторов, представляется

слишком упрощенной, не говоря уж о том, что это противоречит не просто логике здравого смысла, но также и весьма строгим законам функционирования эпоса как знакового социокультурного феномена. Если говорить о родовых особенностях явления, то, как замечено выше, в фольклоре есть жанры, предоставляющие довольно широкую свободу фантазии исполнителя, позволяющие носителям фольклорной традиции ассимилировать «чужеродные» сюжеты и типы героев, превращая привнесенное явление в полноправное явление собственной словесной культуры. Это происходит в случаях, когда главным является не материал, не правдивость текстовой информации, а исполнительское мастерство, в том числе – коммуникативные способности исполнителя, искусство импровизации, мастерство владения языком, порою умение «складно врать», обеспечивающее занимательность повествования, что призвано доставлять удовольствие слушателям. В данном плане архаический эпос значительно более ограничен исходным принципом: в нем повествование призвано восприниматься как правдивое, если только возникает вопрос отношения содержания к правде фактической. Творческое отношение к содержанию ограничено, и его привязка к этнической традиции со всей ее системой ментальности и мифологических представлений в целом наиболее жесткая.

Вопрос о соответствии нартского космоса этнокультурной атрибутике того или иного народа не однажды муссировался в трудах академических ученых и даже в выступлениях публицистов. К сожалению, до настоящего времени ни те, ни другие не сумели прийти к единому мнению. И основная причина здесь кроется не столько в особой, исключительной сложности задачи, сколько в этноэгоистическом стремлении отдельных авторов. По их мнению, в генетическом плане одна масса обязательно должна быть связана с прославленными цивилизациями древности, даже как можно с большим *b[* числом. Следовательно, именно им, но никак не каким бы то ни было местным, а значит более «профанным» массивам признается резонным быть достойными статуса единственно возможной среды, унаследовавшей величественный эпос *от безусловно достойных предков*.

Таким не очень благородным образом некоторые современные толкователи истории стремятся не только возвести тот или иной народ в статус прямых наследников исчезнувших великих цивилизаций и тем самым отгородиться от слишком «земных» соседних народов. Видимо, многим радателям за чистоту истории еще предстоит примириться с тем, что в этногенезе аборигенного населения Кавказа принимали участие носители многих языков, разных культурных традиций и даже разных генетических кодов, что отложилось в антропометрических данных, в языке, в морфологических особенностях и даже в современных исследованиях в области этногенетики. Это, как очевидно, явилось одной из причин этноязыковой пестроты на относительно небольшой территории, так как в условиях Кавказа – с его разнообразием рельефа, климатических зон, географического соседства с носителями разных цивилизаций, и всё это на относительно небольшой площади – внешнее влияние не было и не могло быть равномерным. Соответственно энергии воздействия разных сил и в результате происшедшей диффузии определенная среда или приняла язык доминирующей массы вместе со смешением самих их носителей и субстрата, или же сохранила свой собственный и, напротив, сама стала доминирующей. В обоих случаях неизбежны коррективы: сохранение одних атрибутов культуры, утрата других и адаптация третьих. В этом процессе, протяженном во времени и осложнявшемся межэтническими контактами, одним из наиболее устойчивых факторов, восходящим к эпохе древнейшей этноязыковой общности, оставались архаические мифологические представления. В значительной своей части эти константы были запечатлены в повествованиях, которые, низойдя с высокого статуса нарративов с выраженной сакральной функцией, в результате секуляризации приняли форму героических сказаний и приобрели их атрибутивные

функциональные особенности. Есть основания полагать, что архаический «этнокультурный субстрат», вернее совокупность адыго-абхазских, вайнахских, карачаево-балкарских, осетинских сказаний о нартских богатырях и является общим наследием древнего автохтонного населения, который сохранил единую основу разных по языку народов, ныне населяющих Северный Кавказ. Как на более глубокий источник они опираются, по обыкновению, на древнейшую систему мифологических представлений, отдельные сегменты которых донесены до нашего времени в мотивах и сюжетах о языческих покровителях разных сторон бытия.

Когда мы обращаемся к циклам младшего эпоса, большинство проблем этногенетического характера просто снимается благодаря тому, что здесь доминирует фактор непосредственной связи зарождения песни и предания с реальной действительностью. Наряду с этим в нем находит больший простор раскованная поэтическая фантазия песнетворцев, которые как профессиональные сочинители слагают свои произведения осозная свою деятельность именно как творчество. Данное обстоятельство позволяет объяснить значительно более насыщенную образность поэтического текста песен в сравнении с текстами сказаний архаического эпоса, что, однако, не может быть признаком большей художественной ценности одного относительно другого.

Список источников

Азадовский 2014 – *Азадовский М.К.* История русской фольклористики. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1056 с.

Гутов 2018 – *Гутов А.М.* Проблемы адыгского (черкесского) нартского эпоса. Нальчик: КБИГИ – Принт-Центр, 2018. 264 с.

Дандес 2003 – *Дандес Алан.* Фольклор: семиотика и/или психоанализ. М.: Восточная литература, 2003. 278 с.

Коккьяра 1960 – *Коккьяра Джузеппе.* История фольклористики в Европе. М.: Иностранная литература, 1960. 692 с.

Кравцов 1933 – *Кравцов Н.И.* Сербские юнацкие песни // Сербский эпос. М.–Л.: Academia, 1933 (652 с.). С. 5–204.

Крупнов 1969 – *Крупнов Е.И.* О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. С. 15–29.

Кумаховы 1985 – *Кумахов М.А., Кумахова З.Ю.* Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. М.: Наука, 1985. 224 с.

Леви-стросс 2011 – *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: АСТ, 2011. 544 с.
Мифы народов... 1982 – *Мифы народов мира.* В двух томах. Главный редактор С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. 720 с.

Нартоведение: проблемы 2016 – *Нартоведение в XXI веке: проблемы, поиски, решения.* Материалы Междунар. научной конференции. Магас: ИнгНИИ, 2016. 288 с.

Нартоведение: историография 2022 – *Нартоведение в XXI веке: историография, парадигмы, поиски и решения.* Материалы Международного симпозиума... Майкоп: АРИГИ, 2022. 132 с.

Пропп 1986 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд. 2-е. Изд-во ЛГУ, 1986. 364 с. (Первое издание – Л.: Изд-во ЛГУ, 1946).

Пропп 1976 – *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. Главная редакция Восточной литературы / сост., ред. Б.Н. Путилов. М.: Наука, 1976. 328 с.

Путилов 1971 – *Путилов Б.Н.* Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологические исследования. М.: Наука, 1971. 316 с.

Смирнов 1976 – *Смирнов Ю.И.* Песни южных славян // Песни южных славян. М.: Художественная литература, 1976. С. 5–20.

Тронский 1951 – *Тронский И.М.* История античной литературы. Л.: Учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения СССР, 1951. 508 с.

Эпос единения 2012 – *Эпос единения и дружбы.* Материалы Международной научной конференции. Нальчик: КБИГИ, 2012. 132 с.

References

- AZADOVSKIY M.K. *Istoriya russkoj fol'kloristiki* [History of Russian folklore]. M.: Institut russkoj civilizacii, 2014. 1056 p. (In Russian)
- GUTOV A.M. *Problemy` ady`gskogo (cherkesskogo) nartskogo e`posa* [Problems of the Adyghe (Circassian) Nart epic]. Nal'chik: KBIGI – Print-Centr, 2018. 264 p. (In Russian)
- DANDES ALAN. *Fol'klor: semiotika i/ili psihoanaliz* [Folklore: semiotics and/or psychoanalysis]. M.: Vostochnaya literatura, 2003. 278 p. (In Russian)
- KOKK`YARA DZHUZEPPE. *Istoriya fol'kloristiki v Evrope* [History of folkloristics in Europe]. M.: Inostrannaya literatura, 1960. 692 p. (In Russian)
- KRAVCZOV N.I. *Serbskie yunaczkie pesni* [Serbian youth songs]. IN: Serbskij e`pos. M.–L.: Academia, 1933 (652 s.). P. 5–204. (In Russian)
- KRUPNOV E.I. *O vremeni formirovaniya osnovnogo yadra nartskogo e`posa u narodov Kavkaza* [About the time of formation of the main core of the Nart epic among the peoples of the Caucasus]. IN: Skazaniya o nartax – e`pos narodov Kavkaza. M.: Nauka, 1969. P. 15–29. (In Russian)
- KUMAHOV M.A., KUMAHOVA Z.YU. *Yazyk ady`gskogo fol'klora. Nartskij e`pos* [The language of Adyghe folklore. Nart epic]. M.: Nauka, 1985. 224 p. (In Russian)
- LEVI-STROSS K. *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology]. M.: AST, 2011. 544 p. (In Russian)
- Mify` narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. V dvuh tomah. Glavnyj` redaktor S.A. Tokarev. M.: Sovetskaya e`nciklopediya, 1982. T. 2. 720 p. (In Russian)
- Nartovedenie v XXI veke: problemy` poiski, resheniya* [Nartology in the 21st century: problems, searches, solutions]. Materialy` Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Magas: IngNII, 2016. 288 p. (In Russian)
- Nartovedenie v XXI veke: istoriografiya, paradigmny`, poiski i resheniya* [Nartology in the 21st century: historiography, paradigms, searches and solutions]. Materialy` Mezhdunarodnogo simpoziuma... Majkop: ARIGI, 2022. 132 p. (In Russian)
- PROPP V.YA. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki* [Historical roots of fairy tales]. L.: Izd. 2-e. Izd-vo LGU, 1986. 364 p. (Pervoe izdanie – L.: Izd-vo LGU, 1946). (In Russian)
- PROPP V.YA. *Fol'klor i dejstvitel`nost`* [Folklore and reality]. Glavnaya redakciya Vostochnoj literatury`. Sost., red. B.N. Putilov. M.: Nauka, 1976. 328 p. (In Russian)
- PUTILOV B.N. *Russkij i yuzhnoslavjanskij geroicheskij e`pos* [Russian and South Slavic heroic epic]. Sravnitel`no-tipologicheskie issledovaniya. M.: Nauka, 1971. 316 p. (In Russian)
- SMIRNOV YU.I. *Pesni yuzhny`h slavyan* [Songs of the South Slavs]. IN: *Pesni yuzhny`x slavyan*. M.: 1976, Xudozhestvennaya literatura, 1976. P. 5–20. (In Russian)
- TRONSKIY I.M. *Istoriya antichnoj literatury`* [History of ancient literature]. L.: Uchebno-pedagogicheskoe izdatel`stvo Ministerstva prosveshheniya SSSR, 1951. 508 p. (In Russian)
- E`pos edineniya i druzhby* [An epic of unity and friendship]. Materialy` Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Nal'chik: KBIGI, 2012. 132 p. (In Russian)

Информация об авторе

А.М. Гутов – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

A.M. Gutov – Doctor of Science (Philology), Professor, Chief Researcher of the Adyghe Folklore Sector.

Статья поступила в редакцию 04.05.2023; одобрена после рецензирования 15.06.2023; принята к публикации 02.07.2023.

The article was submitted 04.05.2023; approved after reviewing 15.06.2023; accepted for publication 02.07.2023.